

Критическія замѣчанія къ *Συναξάριον τοῦ τιμημένου γαδάρου* по тексту Вагнера.

(Carmina graeca medii aevi p. 112—123).

Стихотворный памятникъ византийскаго животнаго эпоса, носящій нѣсколько ироническое заглавіе «Синаксарь почтеннаго осла», изданъ Вагнеромъ по Вѣнской рукописи (Vind. 244), изобилующей тѣми-же ошибками, какими отличаются въ большей или меньшей степени всѣ списки произведеній средне-греческаго народнаго или полународнаго творчества: искаженіемъ непонятыхъ словъ, пропускомъ полустижій, а иногда — и цѣлыхъ стиховъ, въ особенности же замѣной формъ устарѣлыхъ или діалектическихъ такими, къ какимъ привыкъ переписчикъ. Неисправности первыхъ двухъ родовъ, какъ наиболѣе бросающіяся въ глаза, Вагнеръ старался устранить, но погрѣшности противъ языка автора онъ оставилъ безо всякаго вниманія. На такую ошибку мы наталкиваемся уже въ 4-мъ стихѣ, гдѣ описывается положеніе осла у жестокаго и скупого хозяина:

ποτέ του δέν ἐχόρτασεν, ποτέ του οὐκ ἀναπαύτη.

Чтобы одинъ и тотъ-же человекъ, выражаясь обычнымъ своимъ языкомъ, какъ здѣсь, употреблялъ рядомъ новое δέν и древнее οὐκ, просто невѣроятно. Та-же позднѣйшая форма отрицанія въ ст. 23:

εἰς τὸ κορμί μου δέν ἔχω κρέας ἀλλ' οὐδὲ αἷμα.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ автору поэмы служатъ отрицаніемъ либо οὐκ, либо οὐδέν (ст. 26, 161, 167, 187, 203, 231, 236, 276, 327, 335, 358, 387, не считая ст. 279 на древнемъ языкѣ). Итакъ несомнѣнно, что въ ст. 4 и 23 слѣдуетъ возстановить οὐδέν, раздѣливъ слова такъ: τ' οὐδέν, μ' οὐδέν (еще лучше μ' οὐδέν съ энклитическимъ ἔχω, о чемъ ниже).

Ст. 12: καλῶς σ' ἠύραμεν, γάδαρε αὐθέντη. καλῶς κάμνεις;
καλῶς ποιεῖς καὶ χαίρεσαι; καλῶς τὸ ἀμπουκόνεις;

Опять позднѣйшая форма вмѣсто болѣе старой: въ ст. 229 и 230 ἐμπουκονόμην — ит. imboscare «братъ въ ротъ» съ замѣной романскаго in греческимъ ἐν. Неправильно поставлены здѣсь Вагнеромъ и знаки вопроса: посредствомъ нарѣчія καλῶς со 2-мъ лицомъ настоящего времени выражается въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ доброе пожеланіе, смыслъ котораго приблизительно таковъ: да будетъ тебѣ во благо то, чтò ты въ настоящее время дѣлаешь (см. мои «Способы относительнаго подчиненія», стр. 87 примѣч. к). Καὶ χαίρεσαι значить «такъ, чтобы ты наслаждался», т. е. тѣмъ, что дѣлаешь (см. тамъ-же стр. 60—63).

Ст. 19—21: Καὶ τὸ φαγὶν ἐστάθηκεν, κακὰ ἀναστενάζει,
ἀπηλογεῖται πρὸς αὐτοὺς μετὰ πολλῶν τῶν ἄλλων,
καὶ τοῦτο τὸ ἐφεύρεμαν μετὰ πολλῶν τοὺς εἶπεν.

Услышавъ коварное привѣтствіе лисицы и волка, осель пересталъ ѣсть—ἐστάθηκε τοῦ φαγεῖν. Чтеніе рукописи (=«стала ѣда»?) едва-ли хорошо во фразеологическомъ отношеніи, а въ синтактическомъ совсѣмъ неловко: подлежащее и выше и ниже — все тотъ-же осель. Повтореніе μετὰ πολλῶν странно; но въ такомъ видѣ оно принадлежитъ Вагнеру, а въ рукописи ст. 21 читается такъ: καὶ τούτου (на подскобленномъ мѣстѣ) τὸ ἐφεύρεμαν μετὰ πολλοὺς τοὺς λόγους εἶπεν, гдѣ не только повторено некстати то-же понятіе, но и размѣръ нарушенъ. Μετὰ πολλοὺς τοὺς λόγους εἶπεν очень похоже на прозаическую передачу того, что сказано въ ст. 20. Весьма вѣроятно, что этими словами вытѣснена или, по крайней мѣрѣ, замѣнена вторая половина ст. 21, содержавшая въ себѣ, конечно, нѣчто иное,—но что именно? Въ риёмованномъ изводѣ того-же разсказа, озаглавленномъ Γαδάρου, λύκου καὶ ἀλουποῦς διήγησις ὠραία (у Вагнера стр. 124—140), въ мѣстѣ, соответствующемъ разбираемому здѣсь, между прочимъ говорится (ст. 45 и 46):

στέκει, διαλογίζεται, πῶς νὰ τοὺς ταπεινώσῃ,
καὶ λέγει τότε μέσα του, τώρα νὰ παίξῃ γυνῶσι.

Новое сравнительно съ «Синаксаремъ» даютъ здѣсь вторыя половины обоихъ стиховъ. Изъ нихъ послѣдній не важенъ, такъ какъ въ виршахъ, подобныхъ тѣмъ, въ которые «Синаксарь» переложень не-

извѣстнымъ риѣмоплетомъ, строй второго стиха каждой пары не только по формѣ, но и по мысли обуславливается первымъ стихомъ, особенно концемъ его. Но потому-то и заслуживаетъ вниманія конецъ ст. 45: быть можетъ, пропавшая вторая половина ст. 21 въ нашемъ памятникѣ была именно *διὰ τὰ τοὺς ταπεινώσει*. Запятая послѣ *ἄλλων* излишня во всякомъ случаѣ.

Ст. 48: *ἡ δ' ἄλουποῦ εὐθύς (σοφῶς) τὸν γάδαρον ἐλάλει.*

Слово *σοφῶς* вставлено Вагнеромъ для пополненія стиха, но едва-ли удачно. Кажется, лучше было бы *Ἡ δὲ ἀλώπηξ παρευθύς*. Ср. начало ст. 44: *Ἡ δὲ ἀλώπηξ...* и ст. 287: *παραευθύς τὸν σύντεκνόν της λέγει*. Форма *ἀλώπηξ* встрѣчается и въ ст. 265.

Ст. 51—54: *ὄντως πρέπει σε, γάδαρε, γάδαρον τὰ σε λέγουν·
φρόνιμος ἦτον ἄνθρωπος καὶ πρὸς τὴν θεωρίαν
τὴν ἔχεις εἰς τὰ ἄλλα σου ἐπάνω εἰς τὸ κορμί σου·
ὅλα ἔναι παρασουλικὰ μετὰ τῆς θεωρίας.*

Вагнеръ въ *Appendix observationum* замѣчаетъ, во-первыхъ, что это мѣсто было испорчено и въ той рукописи, на которой основана риѣмованная *διήγησις*, такъ какъ въ ней нѣтъ ничего, ему соотвѣтствующаго; во-вторыхъ, — что здѣсь есть пропускъ. То и другое замѣчаніе вполнѣ основательно, только неправъ Вагнеръ въ томъ, что предполагаетъ пропускъ послѣ ст. 53 (т. е. на самомъ дѣлѣ, 52), пополняя его *«ludendi causa»* такъ:

τὸ ὄνομά σου ἔθηκε καὶ γάδαρόν σε κράζει.

По акцентуаціи того времени слѣдовало написать *γάδαρον σε*. Но это мелочь, а важно то, что обычное соотношеніе между синтаксисомъ и размѣромъ въ политическомъ стихѣ заставляетъ искать утраченной части текста послѣ первой половины ст. 52, напр. въ такомъ видѣ:

*φρόνιμος ἦτον ἄνθρωπος [ὅπου σε εἶπεν οὕτως·
πρεπόντως σ' ἐπωνόμασεν] καὶ πρὸς τὴν θεωρίαν,*

т. е. сообразно съ внѣшностью. Въ ст. 53 и 54 *ἄλλα* и *ὅλα* помѣнялись мѣстами, при чемъ первое утратило членъ (*τᾶλλα* или *τ' ἄλλα* «прочее», т. е. духовная сторона). Что касается Вагнерова примѣчанія подъ текстомъ: *«παρασουλικὰ quid sit nescio»* и другого; въ *Appendix*: *«si hariolari liceat dixerim sensum vocis παρασουλικός esse*

conveniens», то, къ моему крайнему сожалѣнiю, я могу дополнить ихъ только согласiемъ.

Ст. 72—73: ἄν τὸ ἕχη καὶ ἡ φύσις σου καὶ παιδείουσιν νὰ μάθῃς,
χαρὰ ᾗ ἐσὲν, χαρὰ ᾗ ἐμᾶς διὰ τὸν μαθητὴν μας.

Предлогомъ διὰ замѣнилъ помогавшiй Вагнеру Викела рукописное καὶ μὲ. Сравни однако διήγησις 127—128:

ἄν ἐν καὶ σὺ μαθητευθῆς, νᾶσαι διὰ τιμὴ μας,
χαρὰ σὲ σὲ, χαρὰ σὲ μᾶς καὶ σὲ τὸν μαθητὴ μας

и примѣчанiе Вагнера къ этому мѣсту, въ такой формѣ совершенно безсмысленному: «σὲ В (« т. е. венецианское изданiе 1871 г. «), μὲ А (« т. е. изданiе Якова Гримма «)». Хотя изъ этого слишкомъ лаконическаго указанiя не видно, на мѣстѣ котораго изъ трехъ σὲ у Гримма читается μὲ, однако уже аналогiя соотвѣтствующихъ стиховъ Синаксаря заставляеть отнести помѣту Вагнера къ третьему σὲ. Правда, такое совпаденiе значитъ лишь то, что μὲ находилось и въ той рукописи Синаксаря, которой пользовался авторъ рiеMOVEDаннаго извода, а эта рукопись, какъ мы видѣли выше, была испорчена, какъ и Вѣнска; но все же согласiе двухъ списковъ въ такомъ чтенiи, которое несомнѣнно даетъ извѣстный смыслъ, должно быть признано заслуживающимъ вниманiя. А смыслъ этого мѣста ясенъ тому, кто ужъ пересталъ удивляться невзыскательности византiйскихъ стихослагателей по отношенiю къ логикѣ, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльныхъ выраженiяхъ и знаетъ чисто-народное плеонастическое употребленiе καὶ при μὲ. Такъ и мы можемъ сказать: «Благо тебѣ, благо намъ и съ нашимъ ученикомъ!» Тотъ-же оборотъ встрѣчается и въ ст. 342 рiеMOVEDанной διήγησις, который, вмѣстѣ съ предшествующимъ, читается у Вагнера такъ:

ἀλλ' ὅμως ἐγροικῆσατε τὰ ἀμαρτήματα μου
καὶ συγχωρήσατέ μου τα καὶ μὲ τὰ κρίματα μου.

Но какъ ни малы были требованiя византiйскихъ читателей такихъ нехитрыхъ поэтическихъ произведенiй, все же и въ нихъ трудно было предположить такое равнодушiе къ логикѣ и стилистикѣ, чтобы позволить себѣ соединенiе двухъ такихъ полныхъ синонимовъ, какъ ἀμαρτήματα и κρίματα, посредствомъ καὶ μὲ. Къ тому-же τα послѣ μου въ ст. 142 находится только въ изданiи Якова Гримма, а въ Венецианскомъ этого мѣстоименiя нѣтъ. Не случайность, можетъ быть,

и то, что не только въ διήγησις (ст. 210, 308, 314), но и въ «Синаксарѣ» (ст. 137, 211, 220) глаголь συγχωρῶ относится къ согрѣшившему, а не ко грѣху. Потому можно предположить: καὶ συγχωρήσετέ μ' ἐμέν.

Ст. 90—92: προβλέπων δὲ τὸν θάνατον αὐτοῦ τὸν καθ' ἡμέραν
καὶ διαλογιζόμενος τί μηχανὴν ποιῆσαι
— καθάπερ καὶ ἐποίησεν, ὡς ἔδειξεν τὸ τέλος.

Очевидно, что послѣ ст. 91 пропущенъ стихъ приблизительно такого содержания:

δόλον ἐνόει μέσα του ὅπως τοὺς τιμωρήσῃ

или — μὴ νὰ γλυτώσῃ ἀπ' αὐτοὺς (съ превращениемъ η = ι въ j передъ гласной, какъ напр. въ ст. 160: ὅτι ἔχουν σκύλους δυνατοὺς, νὰ μὴ μὲ θανατώσουν). Ср. 268:

Ὁ γάδαρος δὲ θεωρῶν αὐτῶν τὰς πανουργίας,
τὰς ἀδικίας τὰς αὐτῶν καὶ τὰς διαβολίας,
εἰς ἑαυτὸν ἐνόησε ποιῆσαι πρᾶγμα ξένον,
ἐπαινετὸν καὶ ἀκουστὸν, ὡς ἔδειξεν τὸ τέλος.

Ст. 80: νὰ γένῃς σύντροφος ἡμῶν, 'ς ἀξιά σου καὶ τιμὴ σου.

Въ рукописи 'ς нѣтъ: оно вставлено Викелой. Но въ «Синаксарѣ», какъ и обыкновенно въ дошедшихъ до насъ спискахъ византийскихъ стихотворений простонароднаго склада, сокращенная форма 'ς встрѣчается или послѣ гласной, гдѣ она во всякомъ случаѣ не подтверждается размѣромъ, такъ какъ для стиха все равно, будемъ ли мы читать напр. καὶ 'ς или κ' εἰς, или же передъ членомъ, т. е. известной частью рѣчи, имѣющей въ новогреческомъ языкѣ свои фонетическія и синтактическія особенности, а именно 1) передъ членомъ подвергается сокращению не только εἰς, но и ἀπό, напр. ἀπὸ τὴν χώραν звучитъ въ естественной рѣчи *af tu xóra*, 2) въ средне-греческомъ просторѣчии членъ употреблялся далеко не такъ часто, какъ теперь; напр., онъ былъ, повидимому, необязателенъ передъ существительнымъ съ родительнымъ опредѣлениемъ или съ предлогомъ, чему аналогія находимъ у румынъ. Вотъ примѣры 'ς въ «Синаксарѣ»:

82 νὰ πᾶμεν 'ς τὴν ἀνατολὴν εἰς τὸν καλὸν τὸν τόπον.

99 ὡς τό'δα ἐφῆς 'ς τὸν ὕπνον μου, βλέπω το καὶ ἐξ ὕπνου.

266 καὶ τί ἄλλον ἀμάρτημαν χειροτέρον 'ς τὸν κόσμον;

301 ὁ κῶλος σου ἄς κινηθῇ 'ς τὸ πόδιμαν καὶ μόνον

(γδ΢ вслѣдствие цезуры между *κινηθῆ* и *᾽ς* нельзя допустить вліянія перваго на послѣднее).

307 *κὶ οὐλον τὸν ἐκατέστησεν ᾽ς τὸν ποῦντον ὅπου πρέπει.*

313 *ἔμπροσθεν τὸν ἐρόντζεψεν ᾽ς τὴν μέσην τοῦ πελάγους.*

320 *ἐκρήμνησεν καὶ ἔδωκεν ᾽ς τὴν θάλασσαν ἀπέσω.*

321 *ἐπῆραν τὴν τὰ κύματα, ᾽ς τὸν λύκον τὴν ἐπῆγαν.*

330 *ἔσωσάν με κ' ἐγὶκρεμνίστηκα ᾽ς τὴν θάλασσαν ἀπέσω.*

361 *ἡ γυνῶσις ἔναι πανταχοῦ ᾽ς τὸν κόσμον ἐσπαρμένη.*

Стоить только въ этихъ случаяхъ устранить членъ — и полное *εἰς* будетъ восстановлено. Во всякомъ случаѣ, кажется, только ст. 301 и 321 представили бы по устраненіи члена рѣзкое противорѣчіе современному греческому синтаксису. Но возможно допустить, что въ нихъ *καὶ* и второе *τὴν* были вставлены ради гладкости ритма, заботою о которой могло быть вызвано и сокращеніе предлога *εἰς*. Но этотъ памятникъ относится, судя по языку, къ такому позднему времени (однако не позже XV в.), что вполне позволительно спросить, не была ли форма *᾽ς* передъ членомъ свойственна языку самого автора. Что же касается ст. 80, то первоначальное чтеніе въ немъ было, можетъ быть, *ἀξίως τῆς τιμῆς σου*.

Ст. 100: *ἔσυννεφιάσ' ὁ οὐρανός, ἄνεμος θέλει ποίσει.*

Вмѣсто *ποίησει* Викела предположилъ *πιάσει*, но Вагнеръ оставилъ въ текстѣ рукописное чтеніе, — и не безъ основанія, какъ видно изъ ст. 77—78 рѣшованнаго извода:

ἄστραψεν ἡ Ἀνατολή, ἐβρόντησε κ' ἡ δύσι,

ὁ οὐρανός ἐμαύρισε, φορτοῦνα θεὸς νὰ ποίση.

Ст. 139: *λέγει καὶ αὐτὴ πρὸς αὐτὸν ἐν ἐξομολογήσει.*

Читай *αὐτῆ*. Эту поправку я нашель впоследствии у Спиридіона Ламбра въ *Collection des romans grecs* (Paris 1888), стр. LVIII, примѣч. 1, однако оставляю ее здѣсь для того, чтобы по поводу ея выразить свое сомнѣніе въ необходимости нѣкоторыхъ другихъ исправленій того-же ученаго, не относящихся къ «Синаксарию», но связанныхъ съ вопросомъ о замѣнѣ двухъ первыхъ ямбовъ въ одномъ изъ полустишіи или въ обоихъ анапестомъ со слѣдующимъ за нимъ неударяемымъ слогомъ. Для восстановленія этихъ двухъ ямбовъ Ламбръ отчасти перемѣщаетъ ударенія на отдѣльныхъ словахъ, напр. *θεός* вмѣсто *θεός*, *Ἰνφερνου* вмѣсто *ἰνφέρνου* (стр. VIII, примѣч. 1), отчасти

замѣняетъ переданныя въ рукописяхъ слова другими, напримѣръ, въ стихѣ

ὡς ἔστειλε Ῥοδόφιλος ὁ πατήρ τοῦ Βελθάνδρου

онъ предлагаетъ вмѣсто πατήρ читать κῦρις или ἀφέντης, не принимая въ расчетъ того обстоятельства, что этотъ стихъ написанъ цѣликомъ на древнемъ языкѣ. Но въ приводимыхъ имъ-же отрывкахъ изъ Διγένης Ἀκρίτας по Гротта-Ферратской рукописи этотъ ритмъ встрѣчается такъ часто, что и самъ онъ уже не обращаетъ на него вниманія. Мы сейчасъ возвратимся къ этому вопросу.

Ст. 146: εἰς τὰ κρυφὰ κλεψίματα καὶ τὰς ἑπιδεξιόσυνας.

Какъ мы уже видѣли и еще увидимъ дальше, авторъ «Синаксаря» еще не зналъ позднѣйшаго отпаденія начальныхъ гласныхъ. Потому, вѣроятно, и здѣсь членъ прибавленъ переписчикомъ, а въ его подлинникѣ было написано καὶ ἐπιδεξιόσυνας, т. е. по звукамъ, приблизительно κενιδεκσιόσινес (въ 7 слоговъ). Ср. наоборотъ, чтò гораздо болѣе противорѣчитъ обыкновенному употребленію члена, ст. 155 и 197:

ὁ κόσμος καταρᾶται με ἡμέρας καὶ τὰς νύκτας.
ὅ τι ἔποικα καὶ πολεμῶ ἡμέρας καὶ τὰς νύκτας.

Ст. 157—160: πλὴν ἡ εὐχὴ τῆς μάνας μου καὶ τοῦ καλοῦ πατρός μου πάντοτε βοηθοῦσί με καὶ τὰ κακὰ γλυτόνω.
πόσαις φοραῖς ἐγλύτωσα ἕκ τῶν ἀρχόντων τὰ σπήτια,
ὅτι ἔχουν σκύλους δυνατοῦς, νὰ μὴ με θανατώσουν.

Вагнеръ замѣчаетъ: «lenius esset ἕκ τὰ σπήτια τῶν ἀρχόντων». Несомнѣнно, что онъ разумѣетъ при этомъ ритмъ. Но ср. ст. 64:

διὰ τοῦτο πρέπει σέ λοιπόν ὅπως ἔχης συγγνώμην,

хотя легко было бы придать и второму полустипиію почти правильный ямбическій строй посредствомъ перестановки: ὅπως συγγνώμην ἔχης. То-же въ ст. 169:

ἐβλέπω, περιεργάζομαι, ἔχει κάτον ἢ γραῖα.

Такъ и въ первой половинѣ ст. 291:

ὅτι ἔχεις ἐχθροὺς πολλοὺς ὁποῦ κακὸν σοῦ θέλουν.

Въ болѣе старинныхъ памятникахъ второе полустипиіе изъ двухъ анапестовъ съ неударяемымъ слогомъ въ концѣ—не рѣдкость, да и

на исходѣ XV в. Эммануилъ Георгилла позволяет себѣ такіе стихи, какъ напр. въ Τὸ θανατικὸν τῆς Ῥόδου:

11 ἦτον ὁ ἀγιώτατος ὁ σοφὸς Μητροφάνης.

13 ἐν τῷδε τῷ θανατικῷ καὶ αὐτὸς ἀπεβίω.

17 Γεωργιλῶς ἀκούεται, Λειμενίτης τ' ἐπίκλην.

29 καὶ φῆκέν τε ν' ἀναθραφούν εἰς πικριαῖς καὶ φαρμάκια.

33 καὶ δέρνεις καὶ παιδεύεις τὴν μὲ θανάτου αἰτία.

Но было бы неправильно сослаться на стихъ того-же Георгиллы

31 νὰ ἔτον κι αὐτὸ γραμμένον εἰς || τῆς τύχης τὰ χαρτία

для оправданія цезуры послѣ предлога, такъ какъ эта вольность въ 15-сложномъ стихѣ вообще не допускается. Да и точно ли въ рукописи значится ἐγλύτῳσα ἄх или хотя-бы даже безъ апострофа — ἐγλύτῳσαх? Гласныя, поглощаемыя элизіей или сліяніемъ, обыкновенно выписывались византійцами сполна, потому что, конечно, они и произносили ту и другую, хотя придавали слоговое значеніе лишь одной изъ нихъ. Исключеніе изъ этого правила представляютъ собою случаи классической κρᾶσις и слитія двухъ одинакихъ гласныхъ, какъ ν' ἀφήση, вмѣсто νὰ ἀφήση, да еще, хоть не всегда, ἀφαίρεσις или κρᾶσις при энклизѣ, какъ κακά ἔνε вмѣсто κακά ἐνε, τοῦπε вмѣсто τὸ εἶπε, τὸ εἶπε (не безъ вліянія древнихъ аналогій), т. е. очевидно, такія соединенія словъ, въ которыхъ слышалась дѣйствительно лишь одна гласная. Такъ какъ въ «Синаксарѣ» предлогъ ἐκ не измѣняетъ своего ε на α (см. ст. 78, 83, 165, 243, 325, 336, не говоря уже о древнемъ сочиненіи съ родительнымъ падежемъ), ἐγλύτῳσα ἄх не подходило бы ни къ одному изъ этихъ условій, особенно при неизбѣжномъ, какъ мы видимъ, раздѣленіи этихъ словъ цезурой. Въ концѣ концовъ остается, кажется, предположить, что въ ст. 159, если рукопись на самомъ дѣлѣ даетъ ἐγλύτῳσα х, эта х есть графическій остатокъ цѣлаго слога κᾶх или κ' ἐκ, а членъ передъ σπήτια (вѣрнѣе σπίτια) вставленъ переписчикомъ, тогда какъ авторъ воспользовался той свободой въ употребленіи члена, примѣръ которой находимъ у Алексія Комнина въ ст. 616:

οἰέ μου, βλέπε, μὴ ποθῆς τοῦ κόσμου τούτου πλοῦτον.

Возможно, впрочемъ, и наоборотъ: ἀπ' ἀρχόντων τὰ σπίτια. Последнее даже вѣроятнѣе, если авторъ относилъ предложеніе ὅτι ἔχουν

σκόλους δυνατούς не къ τῶν ἀρχόντων, а къ τὰ σπίτια. Но что значить это ὅτι? Съ точки зрѣнія палеографіи не трудно возвести это слово къ ὀπ(οῦ), которое встрѣчается въ ст. 25, 79, 84, 103, 130, 250 (307 ὀπου въ смыслѣ нарѣчія «гдѣ»). Ст. 157 переданъ, можетъ быть, вѣрно, такъ какъ γλυτώνω въ «Синаксарѣ» сочиняется не только съ ἐκ или съ ἀπό (ст. 251: μὴ νὰ γλυτώσῃ ἀπ' αὐτούς, τᾶχεν ἐν ὑποκρίσει), но и просто съ вин. пад.—ст. 331: κ' ἐγλύτωσα τὴν συμφορὰν ἐκείνην ὄσῃν εἶδα. Между этими двумя конструкціями есть какъ будто разница: предлогъ употребленъ при обозначеніяхъ лицъ и мѣстъ, а прямое дополненіе — при словахъ, выражающихъ самую опасность или бѣду. Теперь это различіе, повидимому, не соблюдается; ср. напр. Passow, *Popularia carmina Graeciae recentioris* CCL 12:

ἀπ' τὸ τουφέκι καὶ σπαθὶ κανεὶς νὰ μὴ γλυτώσῃ.

Ст. 161—162: καὶ μία χήρα ἄπορος καλὰ οὐκ ἐθεώρειεν·
εἶχεν δὲ ὄρνιθαν χοντρή καὶ λάλειε τὴν καβάκαν.

Судя по формамъ 3-го лица ед. ч. прош. несоверш. ἐπολέμαν ст. 234 и ἐξανερῶταν ст. 333, къ которымъ присоединяется ἐρώτα ст. 322 (можетъ быть, неточно вмѣсто ἐρώταν), можно было бы и здѣсь ожидать стянутыхъ ἐθεώρειν и ἐλάλειν (а не λάλειν, потому что авторъ «Синаксаря», судя по большинству примѣровъ, не опускалъ приращенія).

Ст. 168: λοιπὸν ἄκουσον τί ἔποικα

пропущено что-нибудь въ родѣ διὰ νὰ τὴν ἀρπάξω.

Ст. 170: χοντρὸν κατὰκιν κόκκινον, τὴν τρίχα μου ὁμοιάζει.

Такъ издалъ Вагнеръ по догадкѣ Викелы, а въ рукописи κοτζάκιν, что можно сравнить со словенскимъ kočka и чешскимъ kočise «кошка» и съ болгарскимъ *кочи* «кошачій» (при *котка* «кошка» и *котакъ* «котъ»).

Ст. 174—175: ὁ κάτος κάπου ἔλειπεν κ' ἐγὼ ἀντὶς τὸν κάτον
ἔρχομαι πρὸς τὴν γραῖαν

Вагнеръ замѣчаетъ: «ex versione recentiori patet huiusmodi verba supplenda esse ἴω καὶ κάθισα κοντά της (vel κάθομαι)». Но въ соотвѣтствующемъ стихѣ рѣшовавннаго извода (266) то, что показалось Вагнеру принадлежностью первоначальной редакціи, вызвано, очевидно, рѣмой:

κ' ἔνα βραδὸ στοχάζομαι πῶς ἔλειπεν ὁ γάτης,
 κι ἀντίς τόν γάτον πῆγα ᾿ γῶ και κάθισα κοντά της.

Κромѣ того, предполагаемое Вагнеромъ въ ст. 175 ᾿ γῶ прямо невозможно послѣ предшествующаго ἐ γῶ, а безъ такой прибавки не выйдетъ первое полустипіе. Но ясно, что до насъ дошло второе, а утрачено первое, приблизительно такое: ἐμβραίνω εἰς τὸ σπίτιν της κ'.

Ст. 185—187: ἐ γῶ δὲ τζαχαρόνω την ἐκείνην τὴν καβάχα,
 και κείνη ἐφτερούγισεν και κάχα κάχα λέγει·
 σηκόνω την και σύρνω την και σήχωμαν οὐκ ἔχει.

Въ рукописи ἐνευτεράκισεν, что, по объясненію Вагнера, «em (endavit) Vicelas». Въ риѣмованномъ изводѣ (ст. 282) почти такъ-же, какъ «исправиль» Викела, и тѣмъ не менѣ эта поправка въ высшей степени подозрительна. Чтеніе рукописи ведетъ къ глаголу, мнѣ, правда, неизвѣстному, но во всякомъ случаѣ возможному — ἀναπτερακίζω, произведенному отъ πτεράκιον или, можетъ быть, только по аналогіи этого слова передѣланному изъ древняго ἀναπτερυγίζω «быо крыльями». Весьма вѣроятно, что въ рукописномъ ἐνευτεράκισεν неправильно только υ (вмѣсто этимологическаго φ), а оба первые ε стоятъ на своемъ мѣстѣ въ качествѣ двойного приращенія — при предлогѣ и при глаголѣ —, чему въ средне-греческой письменности есть много примѣровъ. Что касается перехода начальнаго α въ ε, а не въ η, то, по крайней мѣрѣ, въ корняхъ таковъ обыкновенный видъ приращенія у византійцевъ извѣстной эпохи и, можетъ быть, извѣстныхъ мѣстностей. Ср. мои «Замѣтки къ тексту поэмы объ Аполлоніи Тирскомъ по изданію Вагнера» во 2-мъ выпускѣ Одесской «Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества», къ ст. 829. Тамъ-же въ ст. 434 я чуть-ли не напрасно предположилъ ἀνεθρέφοντο вмѣсто рукописнаго ἐνεθρέφοντο, которое, повидимому, находило себѣ подтвержденіе въ ἐνευτεράκισεν. Но если эта форма передана правильно, можно ли признать «Синаксарь» памятникомъ XV в.? не придется ли отнести его къ XIV в.? Какъ бы то ни было, въ его языкѣ еще нѣтъ послѣдовательно проведенной ἀποκοπή начальныхъ гласныхъ, и потому кажется сомнительнымъ правописание και κείνην (вмѣсто κ' ἐκείνην) въ ст. 186 послѣ ἐκείνη ст. 185. Вопросу подлежитъ и τὴν καβάχα въ томъ-же стихѣ при καβάχαν ст. 162, какъ и остальные примѣры пропуска конечнаго υ.

Въ примѣчаніи къ ст. 187 Вагнеръ спрашиваетъ: «fortasse 'σύχωμαν?». Конечно, нѣтъ—тѣмъ болѣе, что едва-ли и возможно образование (ἤ)σύχωμαν при ἤσυχάζω, которое вдобавокъ неупотребительно въ новогреческомъ просторѣчии; да и по смыслу, если ужъ измѣнять σήχωμαν, то развѣ только въ σηκωμόν, при чемъ вполнѣ ясно обозначилась бы такая мысль: «я поднимаю ее (говорить лисица о курицѣ) и тащу, а ее и поднять нельзя». Такимъ-же образомъ говорится напр. τὸ ἀσκέρι δὲν ἔχει μετρημόν «войску счету нѣтъ», а въ народной поэзіи—и μετρημούς, напр. Passow, Popularia carmina Graeciae recentioris CXV ст. 14:

μετράει τοὺς Τούρκους καὶ μετράει, καὶ μετρημούς δὲν εἶχαν,

CXXXI ст. 19:

εἶναι πολλοί, πουλάκι μου, καὶ μετρημούς δὲν ἔχουν

съ вариантомъ (не у Пассова) μετρημόν. Впрочемъ, Пассовъ почему-то пишетъ вездѣ μετρημούς. Однако измѣненіе σήχωμαν въ σηκωμόν отнюдь не можетъ считаться необходимымъ, какъ видно, напр., изъ сравненія ст. 224 поэмы Стефана Сахлики о тюрьмѣ по рукописямъ P(arisinus) и M(ontepessulanus) у Вагнера стр. 85 (въ исправленномъ видѣ):

διατὶ ἐν πολλὰ καὶ ἀρίφνητα καὶ πληρωμόν οὐκ ἔχουν

и по Неаполитанской, изданной С. Д. Пападимитріу въ IV выпускѣ Одесской «Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества» (ст. 438):

διατὶ (ἐν) πολλὰ καὶ ἀρίφνητα καὶ πλήρωμα οὐδὲν ἔχουν.

Въ видѣ экскурса къ ст. 185 позволю себѣ прибавить нѣсколько словъ о глаголѣ τζαγκαρόνω, повидимому, мало извѣстномъ у насъ. Значить онъ собственно «зацѣплю крюкомъ» и употребляется теперь особенно объ остановкѣ овцы посредствомъ кирлиги, которая по ново-гречески называется κλιούκα (очевидно, славянскаго происхожденія), но кое-гдѣ, можетъ быть, до сихъ поръ еще обозначается словомъ τζαγκάρι, τζάγκαρο или другимъ, произведеннымъ отъ той-же основы. Какова бы ни была грамматическая форма этого предполагаемаго глаголомъ существительнаго, онъ восходитъ къ иранскому чангар-«крюкъ», откуда и τζάγκρα «крѣпостной лукъ» (т. е. метательная машина въ видѣ большого лука). Правда, въ персидскомъ языкѣ мы знаемъ только современное чангал, по турецкому выговору —

чинель, перешедшее и къ грекамъ (*τζιγκέλι* «крюкъ» съ глаголомъ *τζιγκελίζω* «продѣваю крюкомъ» и *τζιγκελόνω* «скрючиваю, искривляю»); но въ тѣхъ изъ иранскихъ языковъ или нарѣчій, въ которыхъ не было звука *л*, это слово должно было являться съ *р*. Что касается слова *τζαγκάρης* «сапожникъ», встрѣчающагося уже у Θεοδора Προδρομα, то оно не имѣетъ ближайшей связи съ *τζαγκαρόνω*, что видно уже изъ синонимическаго *τζαγκᾶς*: окончаніе — *άρης*, какъ и — *ᾶς*, принадлежитъ греческому языку; но то слово, отъ котораго они произведены, *τζάγκα* или *τζαγκίν* «сапогъ», можетъ относиться къ одному корню съ *τζαγκαρόνω*. Слово *чанг* или, по турецкому произношенію, *ченг* въ смыслѣ обуви (именно женской, расшитой золотомъ и, вѣроятно, отличающейся круто загнутыми носками) извѣстно намъ, кажется, только изъ турецкаго языка, но оно, конечно, заимствовано у персовъ и первоначально тождественно съ персидскимъ *чанг* «рука или лапа съ согнутыми пальцами, когти, лютня съ кривой рукоятью». Сохранили ли чанги свой восточный покрой по переходѣ къ византійцамъ,— это другой вопросъ. Весьма правдоподобно, что это слово въ Греціи видоизмѣнило свое значеніе, судя по тому, что *τζαγκάρης* значитъ просто «сапожникъ», а *τζάγκα* или *τζαγκίν* стала называться только особаго рода парадная обувь, — можетъ быть, то-же, что *χαμπάγιν* (ср. Д. Θ. Бѣляева «Облаченіе императора на Керченскомъ щитѣ», стр. 54 примѣч.).

Ст. 204—205: *καὶ τὴν οὐρανὸν μου κατουρῶ, τὰ ὀμμάτια μου βρέχω,
καὶ εἰς τὰ ῥματοφύδια μου κρεμάζονται οἱ κόμποι.*

Форма *ὀμμάτια* для автора «Синаксаря» не книжная, а живая, какъ видно изъ ст. 299:

ἄνοιξε τὰ ὀμμάτια σου, γρίλωσ' τα, ὅσον ἔχεις,

гдѣ это слово читается въ 3 слога и сверхъ того за нимъ слѣдуетъ предложеніе чисто простонароднаго характера. Потому и въ ст. 204 произношеніе слова *ὀμμάτια* въ 4 слога, да еще съ удареніемъ на послѣднемъ, кажется подозрительнымъ. Или Вагнеръ произносилъ *оматья́ му*? Но такое удареніе невозможно, потому что историческая преемственность формъ была такова: *ομμάτια* — *ομ(μ)άτια* — *μάτια*, откуда съ энклитикой *ομμάτια μου*, *ομ(μ)άτια μου* и наконецъ *μάτια μου*, какъ говорятъ теперь, а *ομ(μ)ατῶν*, позже *ματῶν* можетъ быть только стяженіемъ старѣйшаго *ὀμματέα* «взглядъ». Впрочемъ, размѣръ

совсѣмъ не требуетъ такого произношенія: хотя не такъ гладко, однако правильно чтеніе *τα ομάτια*, съ чѣмъ сравни выписанные выше ст. 12 и 51. Вѣрно ли 4-сложное *ζαγάρια* въ ст. 32, зависитъ отъ рѣшенія вопроса о непосредственно слѣдующемъ *βαρούσκυλος* (а въ ст. 31 есть *σκύλος*). Зато несомнѣнны 4-хъ-сложныя *μαρούλια* въ ст. 227 и *κοντάρια* въ ст. 338 (последнее передъ самой цезурой). Но, какъ мы уже видѣли, «Синаксарь» относится ко временамъ, предшествующимъ отпаденію начальныхъ гласныхъ; къ тому-же и форма *ὀμμάτια* засвидѣтельствована въ немъ дважды. Отсюда слѣдуетъ, что въ ст. 205, вѣроятно, было написано авторомъ *ὀμματοφρύδια*. При этомъ стихъ можетъ читаться двояко: съ усѣченіемъ гласной союза *καί* или съ *συνίζησις* слоговъ *τὰ ὀμ*—, т. е., по фонетикѣ, *τα ο*, такъ какъ согласныя въ новогреческомъ языкѣ не удваиваются. Такъ и въ остальныхъ 4 случаяхъ слово *ὀμμάτιν*, хотя и утратило въ рукописи свой первый слогъ, находится послѣ гласной (именно *α*—, можетъ быть случайно), почему вездѣ возможно возстановить полную форму съ *συνίζησις*. Случаи эти мы находимъ въ ст. 332, 351, 354, 355:

καὶ πλεὰ μὴ ᾿δοῦν τὰ ᾿μάτια μου τοιαύτην καταδίχην.
τὰ ᾿ματιά μου ἤστραψαν ὡσάν ταῖς τζιμπυλίδες.
καὶ βλέπεις με, συντέχνισσα, μὲ, τό ᾿να ᾿μάτιν εἶμαι,
μὲ τό ᾿να ᾿μάτι σε θωρῶ, μὲ τ᾿ἄλλο δὲν σε βλέπω,

вѣрнѣе: *μὲ τ᾿ἄλλο οὐδὲν σε βλέπω* съ *συνίζησις* слоговъ *-λο οὐ-*, если не *καὶ τ᾿ἄλλο οὐδὲν σε βλέπει*, такъ какъ *μὲ* есть лишь догадка Бурсиана, а въ рукописи *καί*. Во второмъ изъ этихъ стиховъ самый размѣръ требуетъ формы *ὀμμάτια* откуда ритмъ, уже выясненный выше, *τα ομάτια μου ἵστραψαν*.

Ст. 215—220: *ὁσία μου, ἀγία μου καὶ δεδικαιωμένη,
καλότυχη, καλόμοιρη καὶ δεδικαιωμένη,
... κλαδὶν τῆς παραδείσου
νὰ ἔτυχα κ' ἐγὼ ἐκεῖ εἰς τὴν ἀνάπαυσίν σου.
ὄντως, κυρὰ συντέχνισσα, ἡ ἀρετὴ σου αὕτη
ὑπὲρ ἐμὲ ἐγένετον ἢ σεσυγχωρεμένη.*

Вотъ замѣчаніе Вагнера къ этому мѣсту: «fortasse fuit *λαμπάδα εἶσαι ἀναφτῆ, κλαδὶν τῆς παραδείσου, conl. versione recentiori*», т. е. приомованный изводъ, въ которомъ обращеніе волка къ лисѣ послѣ исповѣди выражено такъ (ст. 304—310):

«ἄμε, σοῦ λέγω σήμερον, νᾶσαι εὐλογημένη,
 κι ἀπ' ὄλα σου τὰ κρίματα νᾶσαι συγχωρεμένη».
 λέγει και ταῦτα πρὸς αὐτήν· «κυρία μου μεγάλη,
 λαμπάδα εἶσαι ἀναφτή, με δίχως μανουάλι.

Но уже изъ простаго сопоставленія этихъ двухъ обработокъ того-же мѣста явствуеть съ полной очевидностью, что ст. 310 риѣмованной редакціи принадлежитъ цѣликомъ ея автору, который здѣсь отступилъ отъ подлинника, измѣнивъ между прочимъ его порядокъ, такъ какъ его ст. 309 соотвѣтствуетъ ст. 212 подлинника:

λέγων και ταῦτα πρὸς αὐτήν· «Κυρία μου ἀγία,

за котормъ слѣдуетъ то, что въ риѣмованномъ пересказѣ выражено ст. 311. Можно, конечно, спросить, почему же позднѣйшій редакторъ такъ передѣлалъ эти стихи, тогда какъ въ другихъ онъ, правда, иногда прибавляетъ кое-что отъ себя, но вообще слѣдуетъ въ изложеніи порядку стиховъ подлинника. Едва-ли возможно отвѣтить на этотъ вопросъ иначе, нежели предположеніемъ, что въ списокѣ, котормъ пользовался этотъ редакторъ, ст. 212—220 были перепутаны и вообще переданы въ неудовлетворительномъ видѣ, слѣдъ чего и въ Вѣнской рукописи сохранили ст. 215—217, и вмѣсто κλαδὶν значилось нѣчто похожее на κανδήλιν (судя по λαμπάδα). Но удивительно, какъ Вагнеру не бросился въ глаза одинаковый конецъ ст. 215 и 216, котормый, по устраненіи неправильно повторенныхъ словъ, прямо велъ къ восстановленію стиха

καλότυχη, καλόμοιρη, κλαδὶν τῆς παραδείσου.

Послѣ παραδείσου у Вагнера нѣтъ знака препинанія, что объясняется, вѣроятно, недосмотромъ, какъ и запятая послѣ ст. 214 вмѣсто точки. Здѣсь нужна запятая для отдѣленія звательныхъ падежей отъ послѣдующаго. А дальше уже рѣшительно курьёзъ, особенно въ виду соотвѣтствующаго мѣста риѣмованнаго извода: совершенно невозможное ἡ σεσυγχωρεμένη есть, очевидно, не что иное, какъ εἶσαι συγχωρεμένη, передъ чѣмъ, разумѣется, слѣдуетъ поставить точку или κῶλον.

Ст. 228—233: κ' ἐγὼ ἀπὸ τὴν πεῖνάν μου (ὁποῦ ᾗχα σὰν τὸν σκύλο)
 ἐγύριζα τὸ στόμα μου κ' ἐμπουκονόμην φύλλον,
 ἄλλοτε μόλις ἔσωνα κ' ἐμπουκονόμην φύλλον

καὶ ἄλλοτε οὐκ ἔσωνα καὶ ἐκοπάνιζέ με
 μὲ ρέκλαν στραβοδίκωλον τὸ κωλοκούκουρόν μου,
 καὶ βέργιζεν ὁ κῶλός μου κ' ἐσυχοπορδοκόπουν.

О словахъ въ скобкахъ Вагнеръ говоритъ: «verba ὅπου ᾿χα σάν τὸν σκύλο supplevi e vers. rec.», именно изъ ст. 331—332:

κ' ἐγὼ ἀπὸ τῆν πεϊνά μου ὅπου ᾿χα σάν τὸ σκύλο
 ἐγύριζα τὸ στόμα μου κ' ἤρπουν κομμάτι φύλλο.

Едва-ли возможно сомнѣнiе въ томъ, что дополненныя Вагнеромъ слова не могутъ быть заимствованы изъ первоначальной редакци и вставлены ради риемы къ находящемуся и въ подлинникѣ φύλλον. Мало этого: ὅπου ᾿χα σάν τὸν σκύλο(ν) несогласно съ языкомъ подлинника, въ которомъ употребляется только полная форма ὡσάν (ст. 163, 173, 182, 241, 325, 326, 346, 348, 351, 392). Вѣроятноже, что вторая половина ст. 228 заключала въ себѣ нѣчто близкое по значенiю къ содержанiю первой, напр. καὶ τῆν πολλὴν νηστείαν. Въ слѣдующихъ двухъ стихахъ мы встрѣчаемъ то-же явленiе, что въ ст. 215 и 216: вторая половина ихъ одна и та-же, что подозрительно. Кромѣ того это повторяющееся полустипише содержитъ въ себѣ форму ἐμπουκονόμην, странную въ двухъ отношенiяхъ: 1) ἐμπουκόνω есть глаголъ дѣйствительный, и въ такомъ видѣ, какъ мы уже знаемъ изъ ст. 13, онъ былъ извѣстенъ и автору «Синаксаря»; 2) если бы авторъ хотѣлъ употребить его въ формѣ средняго залога, онъ сказалъ бы, вѣроятно, или ἐμπουκώμην или ἐμπουκόνομην, если не ἐμπουκόνομου, какъ въ ст. 239 κ' ἐβούλομου (у Вагнера καὶ βούλομου). Ужь не есть ли это μην остатокъ сложнаго союза μὴ νά, означающаго, какъ μήπως и τάχα νά, попытку? Дѣло въ томъ, что чуть-ли не самой подходящей второй половиной ст. 229 было бы μὴ νά ᾿μπουκώσω φύλλον. Конечно, такое объясненiе порчи, смѣлое тѣмъ болѣе, что оно предполагаетъ перестановку слоговъ, возможно только подъ условiемъ сильнаго искаженiя первоначальнаго текста. Но вѣдь на значительный безпорядокъ указываетъ состоянiе трехъ стиховъ подъ рядъ (228—230). Если въ подлинникѣ «Синаксаря» они были написаны такъ:

καὶ ἐγὼ ἀπὸ τῆν πεϊνά^{μην} μου ἐγύριζα τὸ στόμα ἐμπουκ... φύλλον
 ἄλλοτε μόλις ἔσωνα καὶ ἐμπούκωνα ἕναν φύλλον, то становится до нѣкоторой степени понятно, почему буквы μην (изъ μηνά) перемѣнили свое мѣсто и какъ сходныя между собою полустипишя повлiяли одно на

другое до полного отождествленія. Взаимное вліяніе сосѣднихъ словъ замѣчается и въ послѣдующихъ стихахъ: безсмысленное *στραβοδίκωλον* обязано своимъ происхожденіемъ отчасти словамъ *κωλοκούκουρον* и *κῶλος*. Но испорчено и *ῥέκλαν*. вмѣсто этого слова Викела предложилъ *βέργαν*, какъ и въ соответствующемъ ст. 335 риѣмованной передѣлки на мѣстѣ *μὲ ῥέκλαν* читается *μὲ βέργα*; но ближе по начертанію *ἄρκλαν*, да и по смыслу тоже: *ἄρκλα* значитъ «стволь, дубина въ толщину ствола». Едва-ли вѣрно и его исправленіе загадочнаго *στραβοδίκωλον* въ *στραβοδίπουλον*, также, кажется, не существующее: здѣсь по соображеніямъ синтактическимъ слѣдуетъ скорѣе предположить глаголь — *στραβοδίπλωνεν*, который, можетъ быть, нигдѣ не встрѣчается, но, если не ошибаюсь, былъ бы понятъ всякимъ грекомъ, какъ производный отъ *στραβά* «вкось» и *δίπλα* «поперекъ». Если эта догадка удачна, то придется читать *μὲ ἄρκλαν ἐστραβοδίπλωνεν* со слитіемъ двухъ слоговъ *μὲ ἄρ-* въ одинъ, потому что приращеніе слоговое въ «Синаксарѣ», повидимому, не пропускается. *Κωλοκούκουρον* мнѣ неизвѣстно, но допускаетъ, можетъ быть, такое объясненіе: если вторая часть его восходитъ къ *οὐρά* «хвостъ», то въ видѣ первой позволяю себѣ предположить сложное *κωλόκουκος* (изъ *κῶλος* «задъ» и *κοῦκος* «кукушка»), равняющееся по значенію древнему *κόκχυξ* въ анатомической терминологіи — «хвостецъ» (*os coccygis*). Въ слѣдующемъ стихѣ *βέργιζεν* или, вѣрнѣе, *ἐβέργιζεν* приходится понимать въ смыслѣ *ἐβεργίζετο*, что необычно, да и едва-ли допустимо по связи мыслей, которая скорѣе заставляла бы ожидать *ἐρράγιζεν* «разсѣдался».

Ст. 237—238: *καὶ τὸ βαρὺν τὸ φόρτωμαν καὶ ἀπὸ τὸ δόσμαν κροῦσμαν ἔτρεμαν τὰ ποδάρια μου, ἔτρεμεν τὸ κορμί μου.*

Вагнеръ снабжаетъ этотъ стихъ такимъ примѣчаніемъ: «fortasse fuit καὶ ἀπ' τὸ β. τ. φ. καὶ ἀπ' τὸ δόσμένον κ.». Вставить слѣдуетъ не *ἀπ'*, которое въ «Синаксарѣ» передъ согласными не встрѣчается, а *ἐκ*, употребительное именно передъ согласными. Затѣмъ остается прибавить *ν* въ концѣ слова *κορμί*, а другихъ измѣненій не нужно, такъ какъ *δόσμαν* значитъ между прочимъ «ударъ» и составляетъ съ *κροῦσμαν*, какъ его синонимъ, одно понятіе, подобно нашимъ «путь-дорога», «жительство-бытие», «родъ-племя», и потому опредѣляется однимъ, общимъ съ *κροῦσμαν*, членомъ.

Ст. 258: *αὐτὰ σκατὰ ποῦ λὲς εἶναι καὶ ψεματολογία.*

Весьма поучительно примѣчаніе Вагнера: ποῦ λές Vicalas, πιλά». Итакъ въ рукописи πιλά, т. е. πηλά, множественное отъ πηλός, какъ древнія σίτα, ταρσά, βάσανα, κύκλα, δρυμά, δάκτυλα, δεσμά, позднѣйшія μυαλά, καπνά (табаки). Въ Appendix Вагнеръ самъ поправилъ свою ошибку. Такимъ образомъ l'incident est clos, какъ говорятъ французы; но догадка Викелы и поспѣшность, съ которою принялъ ее Вагнеръ, любопытны въ томъ смыслѣ, что свидѣтельствуя о все еще продолжающемся существованіи предразсудка, будто греческое просторѣчіе среднихъ вѣковъ и нашихъ дней — одно и то-же за исключеніемъ кое-какой разницы въ 'словарѣ. Викела основывался лишь на томъ, что πηλά изъ живого говора ему не было извѣстно, а Вагнеръ ему повѣрилъ потому, что онъ грекъ. Между тѣмъ въ «Синаксарѣ» относительная частица является только въ видѣ ὅπου, а ὄтъ глагола λέγω употребляются только полныя формы наст. вр., λέγω, λέγει и λέγουν. Правда, въ ст. 388 встрѣчается λέσιν, но хотя бы уже стоящая и выше (ст. 376) и ниже (ст. 392) на томъ-же мѣстѣ стиха форма λέγουν ясно опредѣляетъ грамматическое употребленіе автора. Кромѣ того, если бы авторъ могъ и захотѣлъ воспользоваться формами ποῦ и λές, онъ, вѣроятно, расположилъ бы слова въ такомъ порядкѣ: αὐτὰ ποῦ λές σκατά εἶναι или — εἶναι σκατά.

Ст. 260—264: τότε ἰδὼν ὁ γάδαρος καὶ ὄλως ἀπελπίσας
καὶ πρὸς αὐτὰς φθειγξάμενος τοιαῦτα ἀναφέρει
«καλὰ νὰ τ' ἐγνωρίσετε, ἀφένταις ἐδικοί μου,
ἀπὸ τὸ μαρουλόφυλλον ἐκεῖνον ὅσον εἶπα,
ἄλλον οὐδὲν ἐπίσταμαι, ὁ οὐρανὸς τὸ βλέπει».

Πρὸς αὐτάς, если не есть какое-нибудь неизвѣстное мнѣ обстоятельное выраженіе, какъ ἐξ αὐτῆς (см. мои упомянутые выше «Замѣтки» къ ст. 493), чтò, впрочемъ, очень сомнительно, должно быть исправлено въ πρὸς αὐτὰ «на это» или въ πρὸς αὐτούς. Въ слѣдующемъ стихѣ обращаетъ на себя вниманіе количественное ὅσον. Если бы смыслъ мѣста былъ таковъ: «кромѣ всѣхъ тѣхъ листовъ лагука, о которыхъ я сказалъ», авторъ употребилъ бы, вѣроятно, множественное число; но ослу, который произносилъ эти слова въ свое оправданіе, отнюдь не было выгодно намекать на то, что его продѣлка, описанная въ приведенныхъ выше ст. 228 и 229, повторялась неоднократно. Возможно впрочемъ, что ὅσον εἶπα значить здѣсь: «въ указанной мною мѣрѣ», т. е. не свыше ея; правда, такой образъ выраже-

νία былъ бы неясенъ, но съ такими сравнительно невинными недостатками въ изложении у византийцевъ приходится довольно часто мириться.

Ст. 292—297: ὁ λύκος δὲ ὡς ἤκουσεν τῆς ἀλουποῦς τοὺς λόγους
καὶ πῶς καὶ τὴν συγκρότησιν ἐπίστευσεν εὐθέως,
καὶ λέγει πρὸς τὸν γάδαρον «γάδαρε, δεῖξέ μέ το».
καὶ λέγει ὁ γάδαρος εὐθύς μετὰ χαρᾶς «αὐθέντη,
ἀνέβα εἰς τὸ πόδωμα κ' ἐκεῖ νὰ σὲ τὸ δεῖξω,
καὶ κάτσε ἀνακούρκουδα καὶ 'ς τὰ ἐμπρὸς σου σκόπει.

Неизвѣстно, какъ понималъ Вагнеръ ст. 293, а понять его мудрено. Вѣроятно, слѣдуетъ читать: καὶ πῶς καὶ τί 'συγκρότησεν «какъ и что она затѣяла», — разумѣтся, съ запятой послѣ глагола. Въ ст. 295 μετὰ χαρᾶς принадлежитъ уже къ отвѣту осла, чтò Вагнеръ, если не зналъ этого обычнаго и до сихъ поръ выраженiя («охотно»), могъ бы усмотрѣть изъ параллельныхъ ст. 417 и 418 риѳмованной Διήγησις:

ἐκεῖνος τ' ἀποκρίθηκε καὶ ἔπαψε νὰ κλαίγῃ
«μετὰ χαρᾶς, ἀφέντη μου, εἴ τι ὀρίσεις» λέγει.

Послѣ μετὰ χαρᾶς слѣдуетъ, конечно, и въ разбираемомъ мѣстѣ поставить запятую, а послѣ αὐθέντη — точку или κῶλον. Въ πόδωμα недостаетъ конечнаго ν, которымъ въ нарѣчii автора былъ снабженъ именительный падежъ ед. ч. всѣхъ словъ средняго рода, какъ и винительный всѣхъ склоненiй: χάρισμαν, πόδαν и т. п.

Вторая половина ст. 297 представляется по рукописи совсѣмъ въ иномъ видѣ, нежели у Вагнера, какъ явствуетъ изъ его-же свидѣтельства: «non potui refingere hunc versum, praesertim cum litterae
hic admodum difficiles sint lectu: καὶ τὰ ἐμπροσθανάσσου πο». Два послѣднiя сочетанiя буквъ ведутъ скорѣе къ ἐμπροσθινά σου πόδια или ἐμπροσθέν σου πόδια «твои переднiя лапы». Первое выраженiе проще, но нарушаетъ размѣръ; потому предпочтительно второе. Что касается вставки предлога εἰς послѣ καί, то она нужна во всякомъ случаѣ: осель требуетъ, чтобы волкъ сѣлъ на корточки и на переднiя лапы, т. е. такъ, чтобы его тѣло опиралось на задъ и на переднiя лапы. Такимъ образомъ волкъ будетъ именно сидѣть, чтò не позволить ему перемѣнить мѣсто такъ скоро, какъ если бы онъ стоялъ на всѣхъ четырехъ ногахъ, и въ то-же время морда его окажется поднятой

выше, чѣмъ если бы онъ лежалъ на животѣ, вытянувъ переднія лапы впередъ. Ослу нужно такое положеніе волка для того, чтобы лягнуть его прямо въ морду.

Ст. 304—318: ταῦτα ἐκομπολόγησε ὁ γάδαρος ἐκεῖνος
 τὸν λύκον, καὶ ἐποίησεν καθὼς τὸν ὀρδινιάσεν·
 ἀνέβην εἰς τὸ πόδωμαν ὁ λύκος καὶ ἐκάτσειν,
 κ' οὐλον τὸν ἐκατέστησεν ᾿ς τὸν ποῦντον ὅπου πρέπει,
 γριλόνει ὁ λύκος νὰ ἰδῆ τὸ πότε ν᾿ἀλθῆ χάρις,
 πότε ἰδῆ τὸ πέταλον ἀντάμα μὲ τὴν χάριν·
 ὁ γάδαρος *βολύσσει τον, τζιλιπουρδᾶ καὶ κροῦ τον
 μὲ ὄλην του τὴν δύναμιν, ὅσον κι ἂν ἐδυνήθην,
 κ' ἐκτύπησέ τον μὲ θυμὸν καὶ ἐχαρβάλωσέ τον,
 ἔμπροσθεν τὸν *ἐρόντζεψεν ᾿ς τὴν μέσην τοῦ πελάγου.
 εὐθύς βάνει τὸν φώναρον καὶ ἐξεματζουκόνει
 καὶ σφυροκατουρεῖ συχνὰ καὶ συχνοπορδαλίζει. ·
 σηκόνει τὴν οὐράκλαν του, ἀνοίγει καὶ τὸ στόμα,
 καὶ οὐριάζει καὶ τζηνᾶ καὶ ᾿ξοίκησεν τὸν κόσμον.
 γυρεύει καὶ τὴν ἄλουποῦ μὴ νὰ τὸν κουκουδώσῃ.

Общій смыслъ этого отрывка вполне ясенъ: осель, убѣдивъ волка въ какихъ-то благодатныхъ свойствахъ своей подковы, усадилъ его на палубѣ той барки, на которую заманилъ его тотъ-же волкъ съ лисцей, и, будто бы показывая ему обѣщанную благодать, лягнулъ его нѣсколько разъ такъ ловко и сильно, что онъ, избитый, слетѣлъ въ море, послѣ чего побѣдитель ознаменовалъ свое торжество своеобразными и не совсѣмъ приличными поступками, а затѣмъ бросился на такую-же расправу съ лисой. Картина написана съ чисто византийскимъ реализмомъ, который, быть можетъ, нигдѣ не выступаетъ такъ ярко, какъ при характеристикѣ животныхъ, привлекавшихъ къ себѣ участливое вниманіе грековъ во всѣ времена. Цѣльности впечатлѣнія, которое должно производить на читателя это описаніе подвига смиреннаго осла, нѣсколько мѣшаетъ порча или неясность нѣкоторыхъ словъ. Прежде всего конецъ ст. 304 и начало ст. 305 грѣшатъ противъ правила, гласящаго, что конецъ 15-сложнаго «политическаго» стиха долженъ совпадать съ концомъ предложенія или самостоятельной части предложенія. Очень легкой способъ устранения этой неправильности состоитъ, казалось бы, въ томъ, чтобы вмѣсто ἐκεῖνος поставить ἐκεῖνον, а τὸν λύκον καὶ измѣнить въ ὁ λύκος δέ; но при суще-

ствительномъ ὁ γὰδαρος естественнѣе ожидать существительнаго же τὸν λύκον, а въ слѣдующемъ предложени — мѣстоименія ἐκεῖνος δὲ. Представляется и третья возможность исправленія—измѣнить только начало ст. 305 по первому способу; но при такой поправкѣ, на первый взглядъ самой невинной изъ всѣхъ трехъ, здѣсь предложенныхъ, происхожденіе ошибки далеко не такъ ясно, какъ при второмъ способѣ, который основанъ на предположеніи простой перестановки словъ и связанной съ ней замѣны δὲ посредствомъ καί. Кромѣ того, къ ἐχομπολόγησε слѣдуетъ прибавить νῦ ἐφελευστικόν, согласно съ обычаемъ автора, который 3-е лице ед. ч. историческихъ временъ всѣхъ залоговъ оканчивается на ν.

Въ ст. 307 κ' οὐλον невозможно уже потому, что авторъ «Синаксаря» знаетъ только ὄλος, какъ напр. тутъ-же въ ст. 311. Можно было бы подумать объ исправленіи и этого мѣста посредствомъ перестановки съ переменнѣй οὐ на ω: τὸν κῶλον; но при такомъ чтеніи у насъ оказалось бы странное ἀσύνδετον, до котораго византійцы вообще не охотники. Еще важнѣе то, что ὁ λύκος въ слѣдующемъ стихѣ указываетъ на другое подлежащее, а именно ὁ γὰδαρος, въ предшествующемъ предложени. Въ силу этихъ двухъ соображеній кажется болѣе вѣроятнымъ обращеніе κ' οὐλον въ κί ὄνταν. Въ ст. 308 передъ χάρις недостаетъ необходимаго здѣсь члена ἡ, который пропущенъ переписчикомъ, можетъ быть, только фонетически, т. е. онъ могъ разумѣть νᾶλθ' ἡ χάρις. Объ отмѣченномъ у Вагнера звѣздочкой словѣ въ ст. 310 Спиридїонъ Ламбръ въ Collection de romans grecs на стр. L говоритъ: «ὁ γὰδαρος βολύσσει corrigé (т. е., по смыслу, doit être corrigé) en βωλίσσει=βωλίζει». Если это слово значитъ то-же, что βουλίζει или βουλιάζει, иначе βουλαῖ, — «крушить; валить», то оно, конечно, можетъ подходить по смыслу къ этому мѣсту, но откуда σσ вмѣсто ζ? Эту замѣну нельзя, кажется, объяснить ни лингвистически, ни палеографически. Βωλίσσω, если оно существуетъ или существовало, не наслѣдовано изъ древняго языка, а позднѣйшій не только не образуетъ новыхъ глаголовъ на -σσω, но и перешедшимъ въ него остаткамъ этого образованія придаетъ иныя окончанія, превращая τάσσω въ τάζω, πλήσσω въ πλήκτω, μαλάσσω въ μαλακόνω и т. п. Итакъ здѣсь скрывается или древній глаголь на -σσω, какъ πατάσσει, (δὲ) πλήσσει, или образованный иначе, только едва-ли на -ζω. Во всякомъ случаѣ догадка Ламбро нуждается въ подтвержденіи. Второй въ этомъ стихѣ глаголь — τζιλιπουρδᾶ «ля-

гаеть» — извѣстенъ, но, можетъ быть, неизвѣстно то, что эта форма должна считаться болѣе позднею, чѣмъ употребительная на ряду съ нею до сихъ поръ *τζιλιπουρδίξει*. Таковъ выводъ изъ этимологіи этого слова (кажется, объясняемой здѣсь впервые) — отъ турецкаго *челин урмак* «пинкомъ ударить» (пишется *челиб* — дѣепричастіе отъ *челмек* «толкать ногой»), а форма, въ которой турецкіе глаголы переходятъ въ другіе языки Балканскаго полуострова, есть прошедшее время, т. е. въ данномъ случаѣ *челин урды* (по нынѣшнему выговору—*урду*, но пишется и теперь *урды*). При *τζιλιπουρδίξω* образовано *τζιλιπουρδῶ* (т. е. *τζιλιπουρδάω* или *τζιλιπουρδέω*) по аналогіи *βουλίξω*—*βουλῶ*, *βουτίξω*—*βουτῶ*, *βρουχίξω*—*βρουχῶ*, *ζεματίξω*—*ζεματῶ*, *ζουλίξω*—*ζουλῶ*, *σφαλίξω*—*σφαλῶ* и т. п. Такимъ образомъ въ «Синаксарѣ» мы находимъ уже турецкое слово. Есть въ немъ и другое того-же происхожденія—*μπουσδουγέτι* (ст. 335) въ видѣ синонима къ *ἀπελατίτι* (ст. 325 и 338). Но присутствіе какихъ-нибудь двухъ турецкихъ словъ само по себѣ еще не препятствуетъ отнесенію этого памятника къ XIV в. Третій глаголъ въ томъ-же ст. 310, *κροῦ*, слѣдуетъ писать *κρούει* (т. е., по выговору, *круи*). Въ ст. 312 находимъ *ἐχαρβάλωσε* вмѣсто правильнаго *ἐχαλάβρωσε* (отъ *χαλάβρα* «развалина», стоящаго въ связи съ *χαλάω*); но та-же перестановка засвидѣтельствована и въ ст. 370 (гдѣ вмѣсто *ἀλλὰ χαρβάλωσέν μας* читай *ἀλλ' ἐχαρβάλωσέν μας*). Къ тому-же перемѣщеніе ρ, какъ въ *χλιμιντρίξω* вмѣсто *χреμετίξω*, *κορνιαχτός* изъ *κониорτός*, *πικύς* и *πικάδα* при нормальныхъ *πικρός* и *пикрада*, *ἀφουκράζομαι* изъ *ἀχροάζομαι*, *ρουμάνι* изъ тур. *орман* «лѣсъ», *σαρдиβάνι* при *σαδριβάνι* отъ перс.-тур. *шадрван* «фонтанъ», — явленіе обыкновенное. Въ ст. 313 *ἐρόντζεψεν*, отмѣченное у Вагнера звѣздочкой, какъ испорченное, нуждается лишь въ орѳографической поправкѣ—*ἐρῶντζεψεν*, а впрочемъ, *ρόντζεύω* представляетъ собою греческую передѣлку итальянскаго *gonzare* (съ *z* = дз) «1) жужжать, гудѣть, 2) швырять» (т. е. вѣроятно, съ такой силой, что брошенный предметъ вслѣдствіе быстроты полета гудитъ въ воздухѣ). Въ ст. 314 *ἐξεματζουκόνει* (отъ романскаго *mazzusa* «палица, дубина», какъ *ξεσπαθῶνω* «обнажаю саблю» отъ *σπαθίν*), повидимому, лучше, нежели находящееся въ ст. 456 римованнаго извода *ἐξωματζουκόνει*, такъ какъ *ἐξε-* есть лишь иная форма употребительнаго въ сложныхъ *ξε-* (вмѣсто *ἐξ*), а въ такихъ отъименныхъ глаголахъ гораздо обычнѣе (*ἐ*)*ξε-*, чѣмъ *ἐξω*, служащее для выраженія понятія «внѣ, внѣшній» въ существительныхъ, прилагательныхъ и нарѣчіяхъ; рѣдкіе глаголы, какъ *ἐξω-*

βγάνω, не говоря уже о томъ, что они произведены не отъ имени, относятся къ разряду не *Zusammensetzung*, а *Zusammenrückung* и потому, если бы не одно удареніе, могли бы писаться въ два слова: ἔξω βγάνω и т. п. Въ ст. 315 σφυροκατουρεῖ едва-ли даетъ какой-нибудь смыслъ: какое отношеніе можетъ быть между σφυρίν «молотокъ» и κατουρῶ? понятно было бы σφοδροκατουρεῖ, противъ котораго нельзя, конечно, привести въ видѣ возраженія то обстоятельство, что это сложное, кажется, не встрѣчается. Глаголь οὐριάζει, который читается въ ст. 317, значить «тухнетъ, воняетъ» и примѣняется обыкновенно къ испорченному яйцу, а потому, въ виду предшествующаго ἀνοίγει καὶ τὸ στόμα можно предположить, что это лишь ошибка вмѣсто οὐριάζει: «реветъ»; и странно было бы, если бы при описаніи дѣйствій расходившагося осла остался забытымъ его оглушительный ревъ. Для объясненія темнаго κουκουδῶση въ ст. 318 слѣдуетъ прежде всего сравнить слова самой лисицы о томъ-же поступкѣ осла въ ст. 328:

ἐγύρεψεν καὶ με (читай κ' ἐμέ) πολλὰ μὴ γὰρ με κουκουδῶση,

изъ котораго видно, что въ ст. 318 τὸν написано (или напечатано) ошибочно вмѣсто τὴν, необходимаго и при чтеніи κακοδῶση, предложенномъ Бурсіаномъ. Но κουκουδῶση, вѣроятно, правильно: иначе оно едва-ли было бы повторено писцемъ безо всякаго измѣненія, особенно при прозрачности этимологіи и значенія предполагаемаго κακοδῶση; къ тому-же κουκουδῶ или, можетъ быть, κουκουδόνω есть вполне допустимое сложное изъ κουκοῦ ср. р. «лакомство» (въ дѣтскомъ языкѣ) и корня δο- (въ δίδω «даю») — «угощать», здѣсь въ насмѣшливомъ смыслѣ, какъ и по-русски: «онъ ищетъ и лисицы въ надеждѣ на то, что ее угоститъ».

Ст. 329—330: πλὴν τῆς μητρός μου ἢ εὐχῆ καὶ τοῦ καλοῦ πατρός μου ἔσωσάν με κ' ἐγκρεμνίστηκα ἔς τὴν θάλασσαν ἀπέσω.

Форма страдательнаго аориста на -τηκα (или -θηκα), свойственная современному намъ языку, за исключеніемъ понтійскаго нарѣчія, не была еще извѣстна средневѣковымъ грекамъ, образовавшимъ это время посредствомъ окончанія -θην, какъ древніе, или, рѣже и, вѣроятно, не повсемѣстно, -θησα. Неумѣстность формы на -θηκα здѣсь доказывается чрезмѣрной длиною содержащаго ее въ себѣ полустішія, такъ какъ въ немъ не 8 слоговъ, а 9. Законное число слоговъ будетъ восстановлено, если изъ ст. 320 (приведеннаго выше по по-

воду ст. 80) мы заимствуемъ форму ἐκρήμνισα. Объ употребленіи κατὰ σύνεσιν множ. ч. (ἔσωσαν) ср. выше ст. 157—158.

Ст. 334—344: ἀπέ μοι, κυρά συντέκνισσα, καί με τὸ ἐξηγήσου
τὸ μπουσδουγένι ποῦ τὸ ἔχεν, κ' ἐγὼ οὐδὲν τὸ εἶδα». *
[λέγει] ἄν τὸ ἔχες ἴδεν, κύρ σύντεκνε, ἐκ τὴν κοιλιάν
του ἐξέβην·
ὁμοιάζει ἡ κοιλία του, ἔχει ἀρματοθήκη,
ματζούκαις καὶ κοντάρια, χοντρὸ ἀπελατίκι,
σκλόπαις, μπουμπάρδαις, βόλια, δισσάκια γιωμάτον,
ἀνακαράδες, βούκινα, χοντρά ἀπελατίκια
[συρλάδες καὶ τὰ μπίφαρα, ἀνακαράν τὸν λέγουν,]
καὶ βούκινον ὅπῳ ἴδωκεν καὶ ἔξοίκησεν τὸν κόσμον,
καὶ ἄλλα πλέα ἴδια
τὰ ὅποια ἀλησμόνησα ἀπὸ τὴν ζάλισίν μου.

Въ рукописи εἶπέ, и въ виду отсутствія примѣровъ усѣченія начальной гласной этого глагола въ «Синаксарѣ» (кромѣ случаевъ послѣ гласной, къ νὰ ὅπῳ въ ст. 360) слѣдуетъ сохранить эту форму, что возможно напр. при такомъ чтеніи: εἶπέ μοι (если не μου) το, συντέκνισσα безъ κυρά, какъ въ ст. 117 и 354 (съ κυρά ст. 219 и 345, о которомъ ниже). Конечно, еще проще было бы выкинуть μοι, но грекъ скорѣ поставитъ мѣстоименное дополненіе тамъ, гдѣ, съ точки зрѣнія ясности, безъ него можно обойтись, чѣмъ пропустить его въ такой связи, при которой оно само собою напрашивается. Рѣшеніе вопроса о томъ, должно ли во второмъ полустипіи με быть измѣнено въ μοῦ, благоразумнѣе отложить до будущихъ изслѣдованій синтаксиса мѣстоименій въ средне-греческомъ языкѣ. Въ ст. 335 слѣдуетъ лишь прибавить конечное ν къ μπουσδουγένι; прочее исправно, такъ какъ ποῦ здѣсь не относительная частица, которая, какъ уже сказано, автору «Синаксаря» была извѣстна только въ видѣ ὅποῦ, а вопросительное нарѣчіе («гдѣ у него была палица?»), что видно уже изъ слѣдующаго καί, замѣняющаго въ простонародномъ языкѣ очень часто союзъ винословный (см. моп «Способы относительнаго подчиненія» стр. 61).

Слово λέγει въ ст. 336 Вагнеръ считаетъ, очевидно, простою вставкой, которую достаточно удалить для полного исправленія мѣста; но это едва-ли вѣрно, потому что предувѣдомленіе о началѣ рѣчи одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ «Синаксарѣ» (да, кажется, и въ

δρुгихъ памятникѣхъ этого рода) никогда не опускается. Однакоже нельзя считать это λέγει и частью стиха по причинамъ метрическимъ. Потому весьма вѣроятно, что посредствомъ λέγει передъ ст. 336 переписчикъ замѣнилъ цѣлый стихъ, указывающій на обращеніе лисицы къ волку, какъ ст. 96:

ἡ ἀλουποῦ ἢ πονηρὰ τοιοῦτους λόγους λέγει

или ст. 359:

ὑπόλαβεν ἡ ἀλουποῦ, τὸν λύκον ταῦτα λέγει,

гдѣ, впрочемъ, вѣроятно, слѣдуетъ возстановить ὑπέλαβεν, судя не только вообще по наличности приращенія въ другихъ мѣстахъ «Синаксаря», но и въ частности по формѣ ὑπελάβετο въ ст. 113. Однако, съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія и на то, что по выдѣленіи глагола λέγει въ особый стихъ первой половиной ст. 336 окажутся слова ἄν τὸ ἕως ᾗδεῖν, κὺρ σύντεχνε, въ которыхъ очень подозрительно сокращенное ᾗδεῖν, неизвѣстное автору. Да и что значить здѣсь этотъ оборотъ? Если мы объяснимъ его въ смыслѣ давно-прошедшаго, то въ этомъ памятникѣ нѣтъ ни ἔχω, ни εἶχα для описанія прошедшихъ временъ; если же соединеніе ἔχω съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ имѣеть обыкновенный у византійцевъ смыслъ долженствованія или возможности, т. е. представляетъ собою оборотъ древній и въ началѣ XV в. (или еще того раньше) признаваемый, вѣроятно, уже до нѣкоторой степени устарѣлымъ, то въ такомъ случаѣ форма ᾗδεῖν кажется еще менѣе допустимой. На основаніи этихъ соображеній становится правдоподобнымъ такой выходъ: λέγει могло принадлежать къ ст. 336, обозначая одно смѣну говорящаго лица, какъ въ ст. 323:

λέγει «καὶ τί μὲ ἐρωτᾷς καὶ τί μὲ συντυχαίνεις»;

гдѣ подлежащее при λέγει лисица въ противоположность къ ст. 395:

ὁ λύκος δὲ κατὰ λεπτόν τὴν ἀλουποῦ ἐρώτα,

почему послѣ этого стиха слѣдовало бы поставить точку, а не запятую, стоящую въ текстѣ Вагнера; что же касается словъ ἄν τὸ ἕως ᾗδεῖν, то они, можетъ быть, передѣланы переписчикомъ, уже употреблявшимъ прошедшія описательныя съ ἔχω, изъ такого-же оборота, какой мы видѣли выше въ ст. 72, т. е., въ нашемъ мѣстѣ, ἄν τὸ ἕως νὰ ἰδῆς. Понятно само собою, что обѣ эти догадки предполагають опущеніе словъ κὺρ σύντεχνε, какъ позднѣйшей вставки, послужившей,

по всей вѣроятности, причиною сокращенія первоначальной редакціи предшествующихъ словъ. Итакъ вотъ правильный и, по крайней мѣрѣ, безусловно возможный въ XIV в. видъ этого стиха:

λέγει: «ἂν τό ἕες νὰ ἰδῆς, ἐκ τὴν κοιλίαν του ἐξέβην,

т. е. она (лисица) говоритъ: «Если бы ты могъ ее (палицу) видѣть, (то ты замѣтилъ бы, что) она вышла у него изъ живота». Предложенія съ *verbum sentiendi* въ значеніи сказуемаго послѣ предложеній, выражающихъ условіе или цѣль, опускаются въ новѣйшемъ языкѣ съ такой-же легкостью, какъ и въ древнемъ. Для полнаго пониманія этого мѣста надобно помнить, что волкъ въ самомъ дѣлѣ не могъ видѣть того, о чемъ говоритъ лиса, такъ какъ осель ἐξεματζούκωσεν уже послѣ того, какъ оглушилъ его ударомъ копытъ и сбросилъ въ море. — Въ ст. 337 запятую слѣдуетъ поставить не послѣ *του*, какъ у Вагнера, а послѣ *ὁμοιάζει*: «похоже (на то, что) у него въ животѣ арсеналъ». Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ пропускомъ союза *что*, весьма употребительнымъ въ греческомъ просторѣчїи (см. «Способы относительнаго подчиненія» (стр. 68) и не чуждымъ языку «Синаксаря», напр. ст. 16:

ὁ δὲ ἰδὼν ὁ γάδαρος αὐτοὺς, τριγύρω στέκουν

или ст. 349: Ἐφάνη με, ὁ οὐρανὸς ἐχάλασεν ἐπάνω. — Стихамъ 338—344 соотвѣтствуютъ въ риѳмованномъ изводѣ, при всемъ его многословіи, всего два — 483—484:

βουμπάρδαις νᾶχη μπρνύζιναις, τουφέκια γεμισμένα,
νᾶχη καὶ βόλι ἀρίθμητα, δισσάκια κρεμασμένα.

Такое сокращеніе объясняется всего легче тѣмъ, что позднѣйшій пересказчикъ не понималъ этого мѣста подлинника отчасти, можетъ быть, вслѣдствіе незнакомства съ перечисляемыми здѣсь предметами, но главнымъ образомъ потому, что по нѣкоторымъ признакамъ, напр. метрическимъ, считалъ его испорченнымъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ искажено, особенно вставками, изъ которыхъ одну (ст. 341) выдѣлилъ уже Вагнеръ. Онъ-же попытался исправить текстъ въ двухъ мѣстахъ: *μπουμπάρδαις* вмѣсто *λουμπάρδαις* и *δισσάκια* вмѣсто *δισσάνε*, «quod recte emendasse me confido», замѣчаетъ онъ. Та и другая поправка заимствована, очевидно, изъ приведенныхъ выше стиховъ риѳмованной редакціи, авторъ которой, какъ мы видѣли, не зналъ, чтò дѣлать съ подлинникомъ въ томъ видѣ, въ какомъ его нашель.

Ποэтому на позднѣйшую версію въ этомъ случаѣ ссылаться опасно. Несомнѣнно, что *λουμπάρδαις* Вагнеръ измѣнилъ произвольно, такъ какъ *λουμπάρδα* есть извѣстное названіе особаго рода пушекъ. Возможно и то, что *βουμπάρδαις* есть только ошибка венеціанскаго изданія, а самъ пересказчикъ написалъ *λουμπάρδαις*, какъ въ изданіи Якова Гримма. Сомнительно и *δισσάκια*: такого оружія, кажется, не было, да и заряды едва-ли хранились или перевозились въ саквахъ. Кромѣ того, въ рукописномъ *δισσάνε* содержится, повидимому, глаголь *ἐνε* «есть». Надѣяться на полное возстановленіе первоначальнаго текста трудно, но былъ онъ приблизительно таковъ:

*ὁμοιάζει, ἡ κοιλία του ἔχει ἀρματοθήκην·
ματζούκας καὶ κοντάρια, χονδρὰ ἀπελατίκια,
σκλόπας, λουμπάρδας, βόλια, δοξάρια ἐνε γεμάτον,
ἀνακαράδες, βούκινα καὶ ἄλλα πολεμοφόδια,*

или, можетъ быть, старѣйшая форма *πολεμεφόδια*. Впрочемъ, такъ какъ перечисленія различныхъ предметовъ часто соблазняютъ переписчиковъ или читателей къ интерполяціямъ, весьма возможно, что и въ этомъ сокращенномъ текстѣ все еще осталось нѣчто, не принадлежащее автору, а именно третій стихъ, въ которомъ упоминается огнестрѣльное оружіе.

Ст. 345: (*καὶ τοῦτο*) λέγω ἐγὼ, κυρὰ συντέκνισσα, νὰ ἡξεύρης.

Слова въ скобкахъ вставлены Вагнеромъ для пополненія стиха, но неудачно, такъ какъ при этой вставкѣ цезура приходится между неотдѣлимими другъ отъ друга *κυρὰ* и *συντέκνισσα*; ср. выше ст. 219 и также *κὺρ σύντεκνε*, стоящее всегда передъ самой цезурой, въ ст. 97, 288, 336 и 360. Правильно было бы

κ' ἐγὼ, κυρὰ συντέκνισσα, λέγω νὰ τὸ ἡξεύρης,

съ чѣмъ можно сравнить ст. 97:

ἀφέντη μου, κὺρ σύντεκνε, καλὰ νὰ τὸ γνωρίσης.

Ст. 362—366: *καὶ τί ἂν ἐνε γάδαρος καὶ περιφρονημένος;
ἴδε τὸν θάνατον αὐτοῦ καὶ τὴν ἐπιβουλίαν
καὶ ἀδικίαν δόλιον καὶ τὴν συκοφαντίαν,
χωρὶς νὰ πταιίσῃ τίποτες ἄξιον καταδίκης,
ἡμεῖς ἐδιεκρίναμεν αὐτὸν τοῦ θανατῶσαι.*

Трудно угадать, какъ Вагнеръ понималъ эти стихи: при сохраненномъ имъ рукописномъ текстѣ и съ разставленными такимъ образомъ знаками препинанія едва-ли они даютъ удовлетворительный смыслъ, не говоря уже о конструкціи. Первому можно было помочь отчасти запятою послѣ *τί* («и что изъ того, если онъ осель и презрѣнный?»), но только отчасти, да и то лишь кажущимся образомъ. Прежде всего очевидно, что вмѣсто *ἴδε* слѣдуетъ написать *εἶδε*, а при этомъ становится ясно, что предыдущее находится къ послѣдующему въ уступительномъ отношеніи, т. е. «хоть онъ и осель» или, ближе къ слѣдамъ подлинной конструкціи, «на сколько онъ ни осель». Извѣстно употребленіе *τί* въ смыслѣ «какъ, какой» или «сколько, колѣкій», напр. въ знаменитомъ нѣкогда изреченіи:

ᾠ Ἀθήνα, πρώτη χώρα,
τί γαῖδάρους τρέφεις τώρα!

Такъ уже въ византійскомъ *Ἀνακρεόντειον* (39):

τί καλόν ἐστι βαδίζειν! —

(см. «Способы относительнаго подчиненія» стр. 72). Но вопросительное мѣстоименіе возможно только въ вопросѣ и въ восклицаніи, а при подчиненіи нужно относительное *ὅ τι*, слѣдовательно здѣсь *καὶ ὅ τι* или *καὶ ὅ τι* съ *συνίζησις* = *квѣтти*. Впослѣдствіи въ этой конструкціи передъ *ἄν* является *καὶ* (см. тамъ-же стр. 81), почему переписчикъ, считавшій этотъ союзъ существеннымъ въ такой связи, не понялъ *ὅ τι ἄν ἔνε* и постарался внести въ эти слова доступный ему смыслъ посредствомъ превращенія *ὅ τι* въ *τί*. Такъ какъ ст. 365—366, не завися грамматически отъ предшествующихъ, тѣмъ не менѣе содержать въ себѣ объясненіе словъ *ἀδικία* и *συκοφαντία*, въ концѣ ст. 366 слѣдуетъ поставить *κῶλον*. Всѣ эти соображенія подтверждаются ст. 521—524 риѳмованнаго пересказа:

καλὰ καὶ εἶναι γάδαρος καὶ καταφρονεμένος,
ἄν ἔν καὶ κακορρίζικος καὶ καταδικασμένος,
εἶδε πολλὴν τὴν ἀδικίαν καὶ τὴν καχοφαντίαν μας,
τὴν ἀτοπίαν τὴν πολλὴν καὶ τὴν συκοφαντίαν μας,

гдѣ *καλὰ καὶ*, какъ и у византійцевъ, употреблено въ смыслѣ позднѣйшаго *ἀγκαλά* «хотя», а ст. 365—366 подлинника оставлены въ сторонѣ, потому что только поясняютъ предыдущее, ясное и безъ того и вдобавокъ уже нѣсколько размазанное риѳмоплетомъ.

Ст. 376—382: ἀλλὰ τὸ ὄνομα αὐτὸν ἔστησαν νὰ τὸν λέγουν,
 ἀπὸ τοῦ νῦν εἰς τὸ ἐξῆς Νίκον νὰ τὸν λαλοῦσιν,
 καὶ πλέον γάδαρον αὐτὸν ποσῶς μὴ τὸν εἰποῦσι,
 ἀλλὰ Νίκον ἅς τὸν λαλοῦν «ὅτι ἐνίκησέν μας,
 τὸν λύκον καὶ τὴν ἄλουποῦ καὶ ἐθανάτωσέ μας,
 καὶ μυριοεντροπιάσεν μας
 κ' ἐτύφλωσεν καὶ ποῖκε μας μυριοκινδυνεμένους.

Имя Νίκος, какъ здѣсь, такъ и въ ст. 388 Вагнеръ пишетъ съ острымъ удареніемъ — почему? Съ точки зрѣнія позднѣйшаго языка это, разумѣется, безразлично, но такъ какъ и въ немъ принято держаться древняго правописанія, слѣдуетъ писать Νίκος съ облеченнымъ удареніемъ. Странно и Νικήτα въ ст. 380 и 393 вмѣсто Νικῆτα. Ужь если отступать въ такихъ случаяхъ отъ обычныхъ правилъ, благо-разумнѣе было бы ставить на προπερισπώμενα передъ энклитиками лишь одно удареніе, напр. κ' ἐποῖκε μας, а не καὶ ποῖκέ μας, какъ постоянно пишетъ Вагнеръ съ опасностью соблазна для читателей, мало знакомыхъ съ ново-греческимъ произношеніемъ. Въ ст. 380 послѣ ἄλουποῦ, очевидно, пропущена запятая. Обрывку ст. 381 Вагнеръ придалъ постановкой ударенія на предпоследнемъ слогѣ глагола видъ перваго полустипіа; но слѣдуетъ читать μυριοεντρόπιασέν μας (=μυρὴ-ἔνδρὸνπιασέν μας), принимая эти слова за второе полустипіе, присочиненное переписчикомъ на основаніи ст. 382 и 373:

καὶ ἐποικέν μας ἄπρακτους καὶ ἐντροπιάσέν(ν) μας.

Любопытно однако, что о стыдѣ говорится и въ соответствующемъ этому мѣсту 532 ст. риѣмованнаго извода:

ἐπῆρέ μας καὶ τὴν τιμὴν καὶ κατεντρόπιασέν μας.

Сама собою навязывается мысль, что вставка лишняго полустипіа объясняется первой попыткой того-же позднѣйшаго автора къ переложенію первоначальнаго текста въ риѣмы. Сюда-же, можетъ быть, относится и полустипіе 217, если перелагатель имѣлъ въ виду слѣдующую редакцію:

καλότυχη, καλόμοιρη, κλαδὶν τῆς παραδείσου,
 νὰ ἔτυχα κ' ἐγὼ ἐκεῖ εἰς τὴν ἀνάπαυσί σου.

Нетрудно допустить, что ему-же мы обязаны искаженіемъ ст. 337—343 съ такимъ-же отдѣльнымъ полустипіемъ, памятникомъ его ра-

боты, при которой представлялись его воображенію различныя редакціи отдѣльныхъ мѣстъ, напр.

ἀνακαράδες, βούκινα κι ἄλλα πολλὰ παιγνίδια,
 συρλάδες καὶ τὰ μπίφαρα
 καὶ βούκινον ὅπῳ ἴδωκεν, ἀνακαράν τὸ λέγουν,

но окончательную отдѣлку получило только двустипіе 337—338, благодаря тому, что для введенія риѣмы достаточно было превратить множественное *χοῦδρά ἀπελατίκια* въ единственное.

Ст. 389—393: λοιπὸν ὅσοι τὸ ἀκούσασιν καὶ ὅσοι τὸ ἀκούγουν
 διὰ τὴν τιμὴν σας, γάδαρον ποσῶς μὴ τὸν εἰπῆτε,
 καθὼς καὶ ἐπεκράτησεν, τινὲς καλοὶ ἀνθρῶποι
 ὡσὰν τὸν ἀφέντην (γάδαρον) γάδαρον δὲν τὸν λέγουν,
 ἀλλὰ Νικήτα καὶ Νικὸν ὅσοι τὴν γινῶσιν ἔχουν.

Прежде всего здѣсь надобно исправить интерпункцію, поставивъ послѣ *ἀκούγουν* и *Νικὸν* запятыя, а послѣ *εἰπῆτε* — *κῶλον*. О ст. 396 Вагнеръ говоритъ слѣдующее: «pro (γάδαρον) codex habet α.ε., quod Bicele auctore mutavit». Но едва-ли этотъ стихъ напечатанъ такъ, какъ хотѣлъ Вагнеръ, который, конечно, не могъ не замѣтить, что въ немъ одинъ слогъ лишній, именно *τὸν*, нарушающій ямбическій ритмъ перваго полустипіа. Неправильныхъ стиховъ встрѣчается въ рукописяхъ не мало, но въ данномъ случаѣ, если бы *τὸν* дѣйстви-тельно находилось въ рукописи, было бы непонятно, отчего Вагнеръ, исправляя этотъ стихъ весьма энергически, не выкинулъ мѣшающаго размѣру и ненужнаго по грамматикѣ словечка. Впрочемъ, оставимъ ли мы его на мѣстѣ или устранимъ, все равно — надлежащаго смысла не получимъ. Ожидать здѣсь можно утвержденія, что благомыслящіе люди, когда разумѣютъ осла, зовутъ его не такъ, не осломъ, а Никитой или Никомъ (т. е. «побѣдителемъ народа», Николаемъ). Держась по возможности ближе къ буквамъ, переданнымъ рукописью, этого смысла можно достигъ такимъ измѣненіемъ текста (съ ритмомъ, выясненнымъ выше по поводу ст. 139 и 159):

ὅσ' ἂν θέλουν τὸν γάδαρον, οὕτως οὐδὲν τὸν λέγουν.

Въ заключительномъ стихѣ почетное названіе осла является съ необычнымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ — *Νικὸν*. Эта неправильность, вѣроятно, обусловлена энклизой, которой трохайческія слова

часто подвергаются въ цезурѣ 15-сложнаго стиха. Первоначальная причина ритмической слабости трохаическаго слова въ концѣ перваго полустишия коренится, повидимому, въ такихъ случаяхъ слиянія (κρᾶσις) или усѣченія (ἀφαίρεσις), каковы τῆθελες или τί' θελες, τῶχασε или τὸ' χασε, ὀποῦπαθε или ὀποῦ' παθε изъ τί ἤθελες, τὸ ἔχασε, ὀποῦ ἔπαθε, откуда, уже по аналогіи, τί θελεῖς вмѣсто τί θέλεις, однако не τὸ χανω: дѣло въ томъ, что для такой энклизы необходимо, чтобы предшествующій трохеею слогъ имѣлъ на себѣ сильное удареніе, какое свойственно словамъ знаменательнымъ, а изъ служебныхъ почти только отрицанію οὐδέν, отличавшемся нѣкогда отъ οὐκ приблизительно такъ-же, какъ наше «совсѣмъ не» отъ простого «не». Впослѣдствіи это различіе пропало, а сильное удареніе на οὐδέν осталось, напр. у Θεοδора Προδρομα:

αὐτὸς μικρὸς οὐδέν εἶδεν τοῦ λουτροῦ τὸ κατώφλιον,

въ поэмѣ объ Аполлоніи Тирскомъ:

ἐγὼ ἄλλον ἄνδρα οὐδέν θελω εἰ μὴ τὸν δάσκαλόν μου,

въ приведенномъ выше ст. 23 «Синаксаря»:

εἰς τὸ κορμί(ν) μ' οὐδέν ἔχω κρέας ἀλλ' οὐδὲ αἷμα.

Отсюда и позднѣйшее δέν, хотя обыкновенно произносится безъ ударенія, въ пѣсняхъ иногда превращаетъ слѣдующую за нимъ трохаическую глагольную форму въ энклитику, напр.

ἐτοῦτο ντέρντι δέν εἶναι, ὀποῦ' χο' ς τὴν καρδιάν μου

или, въ стихѣ другого размѣра:

τόπον δέν ἠύρα οὐδὲ χωρὶὸ νά μείνω.

Что же касается ударенія καί Νικον, то его можно сравнить развѣ только съ рѣдкими случаями неправильной энклизы, какіе встрѣчаются чуть-ли не у однихъ понтійскихъ грековъ, напр.

μηδὲ πολλὰ μηδὲ ἴλιγα, ἐννέα χιλιάδες.

μὲ τὸ μέλι, μὲ τὸ γάλα, μὲ τοῦ ἀρνί τὸ κρέας,

которые допускаютъ ритмическое чтеніе или пѣніе лишь подъ условіемъ выговора *мидѣлмиа* и *метомелин метόгалан* (съ энклизой даже за четыре слова до цезуры).

Этимъ замѣчаніемъ объ энклизѣ, какъ имѣющимъ болѣе или менѣе общій характеръ, я охотно закончилъ бы свое изслѣдованіе, если бы могъ ожидать, что такъ называемая научная критика отне-

сется къ настоящему моему опыту иначе, нежели къ первому, объ Аполлоніи Тирскомъ, вызвавшему коротенькій отзывъ, содержаніе котораго состоитъ исключительно въ томъ, что предложенныя мною поправки отличаются смѣлостью. Эта оцѣнка, пожалуй, справедлива, въ особенности относительно нѣкоторыхъ мѣстъ поэмы; но истинная цѣль какъ того изслѣдованія, такъ и этого заключается въ возстановленіи не первоначальнаго текста, которое иногда и невозможно, а языка даннаго памятника. Византійцы писали, какъ извѣстно, на языкѣ двоякаго рода: или на литературномъ, приближающемся къ древнему въ различной степени, смотря по уровню образованія и отчасти по намѣреніямъ автора, или на простонародномъ, хотя рѣдко безъ примѣси книжныхъ, т. е. тѣхъ-же древнихъ элементовъ. Переписчики, по большей части, какъ и естественно, болѣе невѣжественные, чѣмъ писатели, согласно съ этимъ условіемъ поступали со своими подлинниками того или другого склада отнюдь не одинаково: первые они списывали довольно добросовѣстно и если кое-гдѣ искажали ихъ, то лишь вслѣдствіе непониманія или поспѣшности и во всякомъ случаѣ не преднамѣренно, для чего у нихъ и не было необходимыхъ познаній; что же касается подлинниковъ, написанныхъ на просторѣчїи, которое, по крайней мѣрѣ, въ общемъ, т. е. за вычетомъ кое-чего діалекческаго или устарѣлаго, было вполне доступно самимъ писцамъ, то съ памятниками этой категоріи они стѣснялись мало, и особенно со стихотворными. Последнее обстоятельство можетъ съ перваго взгляда показаться страннымъ, но станетъ совершенно понятнымъ, какъ только мы припомнимъ, что почти вся византійская беллетристика этого рода облечена въ стихотворную форму, тогда какъ такая-же проза имѣла своимъ содержаніемъ мѣстную исторію (напр. хроника Махеры), легенды, записи, частные договоры и т. п. предметы, не представлявшіе пищи для воображенія переписчика и обуздывавшіе его произволь самой своею сущностью. Нѣкоторые стихотворные памятники средне-греческаго просторѣчїя, напр. произведенія Θεодора Προδρομα, такъ называемое поученіе Алексія Κομνηνα (или Σπανει), сказаніе о Дигеніи Ακριτῆ, въ различныхъ рукописяхъ читаются съ такими вариантами, что возстановить ихъ первоначальный изводъ, по крайней мѣрѣ, при нашихъ наличныхъ средствахъ, прямо невозможно. Но это уже задачи историка литературы, а лингвисту довольно, если ему удастся освободить подлинный языкъ даннаго извода извѣстнаго памятника отъ постороннихъ при-

мѣсей, внесенныхъ въ него переписчикомъ, жившимъ обыкновенно позже автора и бывшимъ часто изъ другой мѣстности, откуда двойной характеръ примѣсей: хронологическій и діалектологическій. Пока не будетъ такимъ образомъ возстановленъ языкъ автора каждаго памятника или хоть каждаго извода, нечего и думать объ исторической грамматикѣ живого греческаго языка не только за время существованія Византійской Имперіи, но и значительно позже, такъ какъ составители печатныхъ изданій до Кюрая обходились съ такими текстами почти такъ-же свободно, какъ редакторы рукописныхъ изводовъ: стоитъ только припомнить состояніе текста знаменитаго «Эротокрита». Изученіе средне-греческаго языка, основанное на памятникахъ въ ихъ современномъ видѣ, опирается на весьма шаткія основанія, не говоря уже о статистикѣ грамматическихъ формъ, которая и при самомъ надежномъ матеріалѣ даетъ убѣдительные результаты только съ такими пропорціями, какъ напр. 50 : 1, а еще лучше — 50 : 0.

Ө. Коршъ.